

НА ПУТИ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение

Начало года в Казахском институте стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ) ознаменовалось презентацией обзора десяти наиболее важных событий, которые ожидают регион Центральной Азии в 2017 году. По мнению экспертов, эти события будут иметь ключевое значение как в политическом, так и экономическом плане для развития, стабильности и безопасности стран Центральной Азии [1]. Среди прогнозов на восстановление мировых товарных рынков, демографический рост в Центральной Азии, тенденций укрепления экономического присутствия Китая в регионе, внутривосточных процессов в соседних странах и т.д. особое внимание вновь было уделено теме террористических рисков в центральноазиатском регионе. В текущем году данная тематика приобретает уже не узконаправленный фокус, а тесно переплетается с внешнеполитической деятельностью Казахстана.

Дело в том, что 1 января 2017 года Республика Казахстан, первая среди центральноазиатских стран, получила на два года место непостоянного члена Совета Безопасности ООН [2]. В рамках Совбеза Казахстану доверено кураторство борьбы с терроризмом и председательство в двух важных комитетах: в Комитете Совета Безопасности по ИГИЛ и Аль-Каиде, а также в Комитете по Афганистану/Талибану [17]. Занимая подобное положение, стране придется не только принимать серьезные решения с далеко идущими последствиями, но и заняться анализом мирового опыта, который может многое дать для решения проблемы создания безопасного пространства как в мире, так и на собственной территории. Поэтому наше внимание будет направлено на то, чтобы вычлнить некоторые положительные результаты, которых представители мирового сообщества уже смогли добиться, решая проблему террористической угрозы на своей территории. Мы также хотим сделать некоторые выводы о том, насколько предлагаемый опыт может быть применим в контексте Республики Казахстан.

«Индекс глобального терроризма»: Центральная Азия и ее соседи

Для начала необходимо представить общую картину явления, с которым Казахстану предстоит иметь дело в двух комитетах Совбеза ООН. Поэтому мы воспользуемся данными Института экономики и мира, расположенного в Сиднее (Австралия). Эта организация ежегодно выпускает отчет под названием «Индекс глобального терроризма» (ИГТ), в котором оценивается воздействие терроризма на 163 страны мира по шкале от нуля до десяти. В ноябре прошлого года было выпущено четвертое издание результатов исследования ключевых глобальных трендов в отношении терроризма, рассматриваемых на протяжении последних 16 лет, т.е. за период с начала 2000 года по конец 2015 года [9].

Данные представляют собой сложный комплекс показателей, которые необходимо рассматривать во взаимосвязи, чтобы не прийти к ложным выводам. Например, рабочая группа исследования указала на то, что общий ИГТ в мире ухудшился на 10% по сравнению с предыдущим годом, при этом 76 стран улучшили свои индексные показатели, а 53 – ухудшили.

Выводы, к которым исследователи пришли в 2016 году, указывают на следующее [9, р. 2-50]:

- о терроризме необходимо говорить как о концентрированной форме насилия, которое совершается в небольшом количестве стран и небольшим количеством групп;

- в 2015 году за 74% всех жертв терроризма несли ответственность четыре группировки: ИГИЛ (34,8%, или 6.141 человек), Боко Харам (30,9%, или 5.478 человек), Талибан (25,4%, или

4502 человека) и Аль-Каида (9,1%, или 1.620 человек);

- впервые за 4 года количество смертей от террористических атак сократилось на 10%, или на 3.389 человек;

- количество стран, подвергшихся террористическим атакам, сократилось впервые с 2010 года, и это становится определенной положительной тенденцией;

- деятельность таких террористических организаций, как ИГИЛ и Боко Харам, благодаря военным операциям в Ираке и нигерии идет на спад;

- Ближневосточные страны переживают рост количества жертв террористов. Среди них особо выделяются Сирия, Йемен и Афганистан. Последнее государство страдает от активизации деятельности талибов в войне, которая длится в стране вот уже более 15 лет;

- террористы меняют свою тактику. Так, ИГИЛ переходит к транснациональным действиям, распространяя свою активность не только на страны Ближнего Востока, но и на Европу;

- влияние терроризма на мировую экономику продолжает оставаться незначительным и составляет 1% от потерь, которые она несет от всех прочих форм насилия;

- основными двигателями терроризма являются: (1) политическое насилие, совершаемое государством, и (2) наличие военных конфликтов в регионе;

- терроризм оказывает определенное психологическое воздействие на общество, где совершаются данные акты насилия.

На данном общем фоне Казахстан и другие страны центральноазиатского региона находятся в довольно выигрышном положении [9, р. 94-95]:

Таблица 1 – Рейтинг центральноазиатских государств согласно показателю Индекса глобального терроризма (ИГТ)

Место в классификации	Страна	Показатель ИГТ на 2016 г. (от 0 до 10 баллов)	Изменение показателя ИГТ (с 2015 по 2016 гг.)
56	Таджикистан	3,086	+ 1,368
84	Кыргызстан	1,445	+ 0,134
94	Казахстан	0,934	- 0,658
117	Узбекистан	0,154	+ 0,154
130	Туркмения	0	0

Для сравнения необходимо привести уровень того же показателя по пяти странам, испытывавшим на себе самое сильное влияние от

действий террористов. На долю этих государств пришлось 72% всех смертей в результате террористических атак [9, р. 25-34, 94]:

Таблица 2 – Рейтинг пяти государств, наиболее пострадавших от терроризма

Место в классификации	Страна	Показатель ИГТ на 2016 г. (от 0 до 10 баллов)	Изменение показателя ИГТ (с 2015 по 2016 гг.)
1	Ирак	9,96	- 0.04
2	Афганистан	9,444	+ 0.229
3	нигерия	9,314	+ 0.075
4	Пакистан	8,613	- 0.265
5	Сирия	8,587	+ 0.455

Как видим, положение в странах Центральной Азии можно назвать относительно стабильным, за исключением, пожалуй, Таджикистана, где наблюдается самый высокий показатель как самого индекса ИГТ, так и его прироста за предыдущий год. Казахстан находится ровно посередине, однако данные отчета не учли летние события 2016 года в Актобе и Алматы. Поэтому, видимо, стоит ожидать изменения результатов ИГТ в сторону увеличения. Самой стабильной и безопасной страной продолжает оставаться в данном регионе Туркмения с нулевым показателем.

Задумываясь о дальнейшем сценарии развития событий в Центральной Азии, необходимо принять во внимание те факторы, которые, по мнению экспертов группы исследования ИГТ, приводят к росту террористической активности. Они подробно изложены в разделе 5 «Корреляторы и ведущие факторы распространения терроризма» [9, р. 69-76]. К ним относятся шесть основных выводов:

1) 93% всех террористических атак за период с 1989 по 2014 гг. было осуществлено в странах, где государство санкционирует террор против своих, и не только, граждан, где распространены убийства и заключения в тюрьмы без суда и следствия, а так же пытки;

2) 90% всех террористических актов было совершено в странах, вовлеченных в вооруженные конфликты;

3) только 0,5% атак террористов было совершено в странах, где нет внутреннего террора и вовлеченности в военные действия;

4) для стран членов Организации экономического сотрудничества и развития (большая часть которых является членами ЕС) угроза терроризма реальна, если ее социально-экономические показатели оставляют желать лучшего. Здесь особое влияние оказывает трудоустройство молодежи, вера в честные политические выборы, уровень внутренней преступности и доступ к оружию;

5) статистика по всем странам показывает, что угроза терроризма связана с уровнем соблюдения прав человека, включая религиозную свободу, а также с качеством взаимоотношений с соседями, с наличием недовольных групп в обществе, с уровнем коррупции и с угрозой политического террора;

6) отдельные террористические действия предсказать невозможно, но все они следуют единой схеме. Это помогает понять общую тактику террористических организаций и выработать эффективные контртеррористические мероприятия.

Таким образом, можно сделать вывод, что угроза возникновения и распространения терроризма связана, в первую очередь, с политическим и социально-экономическим положением в стране. Это непростое, комплексное явление, которое затрагивает все сферы функционирования общества. Насколько граждане чувствуют себя социально защищенными, насколько их права и свободы соблюдаются и гарантируются существующим государственным строем, чувствует ли молодежь уверенность в завтрашнем дне и свою востребованность в государстве, что происходит в рамках самого государства – стабильное экономическое развитие или его захлестнула неконтролируемая коррупция, все эти и многие другие факторы влияют на проявления террористической активности в стране.

Поэтому нельзя говорить о том, что подоплекой действий террористических группировок является какой-то один фактор. Не обладая развернутыми данными, есть большой соблазн сделать вывод, что терроризм на сегодняшний день является результатом так называемого «религиозного возрождения» [12] в ответ на секулярную парадигму жизни общества, и передовую линию в этой реакционистской позиции занимает ислам [4].

Действительно, устоявшийся стереотип в отношении описываемых в отчете ведущих терро-

ристических группировок (ИГИЛ, Боко Харам, Аль-Каида и Талибан) заключается в том, что они позиционируют себя в первую очередь как «защитники ислама» [21, 13]. Риторика выступлений их лидеров, пропагандистская деятельность, распространяемые идеологические материалы – все, казалось бы, подтверждает это [23]. Однако такое впечатление, скорее, стоит отнести к серьезным идеологическим последствиям терроризма, которые по воздействию намного превосходят его влияние на экономику мирового сообщества. Данный прецедент можно определить как проявление контрафактного использования устоявшихся понятий и представлений, причем не столько с целью их дискредитации, сколько с намерением наполнить их новым, порой чуждым смыслом [19].

Как и в случае с контрафактной материальной продукцией, контрафактная идеология использует уже существующий оригинал, нарушая все мыслимые правила его функционирования. Террористические организации типа ИГИЛ или Боко Харам, используя исламскую терминологию, символику и священные атрибуты, легко приходят к подмене ислама исламизмом, под которым мы вместе с Бассамом Тибби понимаем те организации, которые ставят перед собой политические цели, и при этом массивно используют религиозную риторику [20].

Фальсификация приобретает настолько широкий размах, что с нашей точки зрения законно ввести в научный оборот такой термин, как «контрафактный ислам», который поможет определить совокупность организаций и течений в исламе, которые стремятся объединить насильственные действия с исламскими вероучительными принципами, несмотря на их явную несовместимость, а порой и открытую подмену. В связи с комплексностью явления борьба с «контрафактным исламом» и построение системы безопасности, на наш взгляд, должны стать приоритетом ни одного какого-то комитета или сектора госорганов, а объединить действия различных организаций из различных сфер деятельности. Об этом пойдет речь в следующей части.

Объединенные действия как эффективный способ решения проблемы

Ислам представляет собой неоднородную религию, число последователей которой составляет уже более 1,6 миллиарда человек [18]. Внутри ислама множество течений: одни

продолжают путь традиционного развития, который был начат веками ранее, другие стремятся к реформированию религии и ее практик. Среди этих реформаторов есть либеральные или модернистские течения, а есть те, чья цель – вернуться к «первоистокам» ислама. Традиционалисты-консерваторы, стремящиеся жить в соответствии с законами праведных предков (по-арабски – «салаф»), получили арабское название *салафиты* [8]. Салафизм можно охарактеризовать именно как подход, согласно которому Коран и Сунна – единственные источники общественного и государственного устройства. Идеалом их политического общежития выступает мусульманская община во главе с эмиром.

Сам салафизм не является однородным течением [24]. Например, в Египте салафиты, в отличие от «Братьев-мусульман», не были первоначально склонны участвовать в политической борьбе. Связано это с их представлением о том, что организация партий, предвыборная борьба и т.п. противоречат положению Корана о том, что в мусульманской общине не должно быть противостояния. Большинство салафитов – отвергающие насилие блюстители буквы священного текста и религиозно-моральных норм.

Но среди них есть те, кто может взять в руки оружие и поддержать Исламское государство. На них опираются представители *глобально-го джихадистского движения*, которое можно определить как совокупность группировок и отдельных лиц, разделяющих общую идеологию, но не имеющего единого руководства или структуры, которые стремятся к возрождению исламского государства на основе строгих ревизионистских концепций шариата [6]. Использование ими термина «*джихад*» является указанием на поощрение насилия для достижения своих целей [25]. При этом джихадисты применяют свою «контрафактную идеологию»: выборочно используют положения салафитского учения для оправдания неудержимого разгула насилия и нетерпимости по отношению к инакомыслию.

Для того чтобы отделить этот «контрафактный салафизм» от остальных представителей данного течения, мы будем использовать термин «салафиты-джихадисты». Именно они являются основными игроками в области радикализации настроений последователей ислама во всем мире, а также на территории центральноазиатских республик. Поэтому основные силы в борьбе с терроризмом должны быть направлены на противоборство не столько физическим актам

деятельности радикалов – а их вооруженные действия пока являются единичными в нашем регионе в целом, – сколько на профилактику укоренения идеологического влияния салафитов-джихадистов среди населения.

Здесь силовым структурам, которые являются в основном борцами с внешними проявлениями, необходимо вплотную начать работать с теми, чья основная сфера деятельности связана с формированием внутренних мотивов. Это представители Духовного управления мусульман и академические ученые и исследователи. При этом необходимо принимать во внимание два ключевых момента.

Во-первых, часто приходится читать и слышать, что «салафитская идеология является чуждой для мусульман Казахстана» [5; 3]. Однако для большинства населения страны длительный период времени характеризовался отлучением от любого вида ислама, что привело к низкому уровню религиозной грамотности по данному вопросу. Зачастую салафитско-джихадистская версия ислама становится первым, с чем знакомятся люди, ищущие пути удовлетворения своих духовных нужд.

Во-вторых, уровень подготовки представителей мусульманского духовенства продолжает оставаться не достаточно высоким. Поместные имамы плохо разбираются в вопросах, связанных с повседневной и религиозной практикой верующих; во многих удаленных аулах отсутствует регулярная связь, которая помогала бы оперативно решать вопросы в консультативном режиме. Исламский институт повышения квалификации имамов при Духовном управлении мусульман Казахстана, расположенный в Алматы, не в состоянии принять на переподготовку всех имамов и вынужден проводить курсы потоками по 50-60 человек, которые в следующий раз смогут приехать только через 3 года (из личной беседы с представителями Института повышения квалификации имамов при ДУМК – *прим. Е.М.*).

Эти два момента указывают, в первую очередь, на проблему знания и образования, решение которой лежит в основе и решения проблемы экстремизма и его распространения не только на территории Республики Казахстан и Центральной Азии, но и в глобальном масштабе. Точно так же, как для борьбы с контрафактной продукцией, необходимо знать характеристики оригинала, так же, как и для противодействия салафитско-джихадистской идеологии необходимо обучать людей основам традиционного ислама, которым в Казахстане является

ханафитский мазхаб матуридского направления. Необходима подготовка специалистов, религиозных лидеров, которые могли бы давать достойный ответ на возникающие проблемы.

Здесь, на наш взгляд, может стать подспорьем для разработки собственного проекта интересный опыт Национального центра передового опыта в области исламских исследований (НЦПОИИ) Мельбурнского университета (Melbourne University's National Centre of Excellence for Islamic Studies) [14]. Показательно, что создание инициативы «Национальный консультативный форум имамов» (National Imams Consultative Forum) принадлежит представителям академического сообщества, которые получили поддержку от Австралийского национального совета имамов (Australian National Imams Council) и Австралийского мультикультурного фонда (Australian Multicultural Foundation). Главной целью форума является предоставление возможности для совместной работы имамов, ученых-исследователей и государственных чиновников в достижении понимания вопросов общественной безопасности, радикализации общества и экстремизма [15].

Но основными реципиентами являются имамы, лидеры мусульманских общин по всей стране. Благодаря различным семинарам и тренингам, которые организуют и проводят преподаватели и профессора Центра Мельбурнского университета, религиозные руководители знакомятся с экспертными данными по психологии, СМИ, законодательству, международным отношениям, интернет-коммуникации и многим другим современным дисциплинам. Именно благодаря этому форуму имамы смогли встретиться с такими разнообразными спикерами, как Генеральный директор идеологического управления безопасности Саудовской Аравии, генерал Службы безопасности Австралии, бывший лидер индонезийской группировки террористической организации «Джамаат аль-исламия», заместитель национального координатора по программе предотвращения радикализации в Великобритании «Превент».

Такие встречи значительно расширяют представление служителей ислама по тем вопросам, которые оказывают непосредственное влияние на мусульман и их формат ислама сегодня. Получив необходимые знания, имамы могут стать эффективными участниками процесса по погашению радикализации, так и профилактики возникновения салафитско-джихадистских настроений среди верующих.

Получаемые на встречах такого уровня знания дают мусульманским руководителям в руки дополнительные инструменты для распознавания радикальных настроений и управления ими [22].

Необходимо отметить, что Национальный форум подготовил и выпустил материалы, которые развенчивают ключевые идеологические послы глобального джихадистского движения и его рекрутеров [15], включая признания самих бывших джихадистов [16]. Это потребовало серьезной академической и теологической работы, поскольку освещаемые вопросы касаются различных религиозных постановлений (фатва), правил обращения с немусульманами, идей халифата, джихада, гражданского и религиозного законодательства и т.д. Двадцать ведущих имамов Австралии поставили свои подписи под данными материалами, тем самым подтвердив их легитимность и достоверность для мусульман.

Таким образом, совместные действия светских и религиозных институтов принесли существенные плоды в вопросе противостояния террористической угрозе. Давая доступ к необходимым интеллектуальным ресурсам, австралийские власти, академическое и религиозное сообщество расширили возможности мусульманских лидеров решать проблемы, которые возникли вследствие деятельности экстремистов.

Важно отметить этический аспект этой помощи, которая предоставляется таким образом, что сохраняется авторитет и религиозная независимость имамов-участников встреч. К ним относятся именно, как к равноправным участникам процесса построения коллективной безопасности.

Выводы

Сегодня, когда ключевым вопросом в идеологии глобального джихадистского движения является спор о природе ислама, необходимо разрабатывать комплексный подход к борьбе с угрозой экстремизма. Находясь в полосе

относительного спокойствия, Казахстан, тем не менее, является актором глобальных процессов, на плечи которого возложена также задача по решению вопросов коллективной безопасности, связанных с действиями террористических группировок.

Осознавая тот факт, что терроризм как явление является сложным и многоуровневым явлением, тем не менее, нельзя оставлять без внимания вопрос о связи между религией и терроризмом [10]. Если не выносить его на открытое, профессиональное и экспертное обсуждение, то может возобладать мнение групп, негативно настроенных в отношении ислама, что только усилит угрозу террористической опасности и приведет к неоправданным репрессиям [11].

На наш взгляд, одним из кардинальных решений данной проблемы может стать создание интеллектуальных площадок, которые объединят действия религиозных лидеров, представителей научной элиты и заинтересованных госслужб. Например, для Алматы этот вопрос может быть решен силами представителей ДУМК, Института повышения квалификации имамов, профессорско-преподавательского состава КазНУ и аппарата акима. Когда речь заходит о противостоянии идеологии [7], академическое сообщество не может ограничиваться только обсуждением тренда или феномена. Его задача – заниматься разработкой контридеологии, разъяснительной и просветительской работой, чтобы научить отличать подделку от оригинала.

Вопросы коллективной безопасности сегодня действительно должны стать совместным делом представителей различных сфер общественной деятельности и различного мировоззрения, будь-то религиозное, научное или политическое. Глобальный мир бросает глобальные вызовы, решать которые в одиночку не под силу сегодня никому. Совместная работа – не выражение слабости, а показатель осознанности серьезности и комплексности проблемы, а также готовности учиться у других тому, что может пригодиться самим в дальнейшем.

Литература

- 1 КИСИ представил 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/articles/posts/kisi-predstavil-10-naibolee-vazhnyh-sobytij-v-central-noj-a> (дата обращения 30.01.2017).
- 2 Меделканов М. 1 января 2017 года начинается официальное вступление Казахстана в непостоянные члены Совбеза ООН. 24 Хабар [Электронный ресурс]. URL: <http://24.kz/ru/vybor-redaktsii/item/156539-ofitsialnoe-vstuplenie-v-nepostoyannye> (дата обращения 30.01.2017).

- 3 «Министр: Салафизм не является приемлемым для Казахстана». Информационное агентство Тенгриньюс [Электронный источник]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ministr-salafizm-ne-yavlyaetsya-priemlyim-dlya-kazahstana-304119/ (дата обращения 02.02.2017).
- 4 Музыкаина Е.В. Между линейностью и плюрализмом: фокус исламско-го мировоззрения – Тула: ЗХГЭИ, 2015. – С. 126-127.
- 5 «Салафиты Казахстана как движущая сила рекрутов для джамаатов ИГИЛ на ближнем Востоке», части 1-5 [Электронный источник]. URL: <http://antiterrortoday.com/ru/ekslyuziv/9990-salafity-kazahstana-kak-dvizhushchaya-sila-rukutov-dlya-dzhamaatov-igil-na-blizhnem-vostokey> (дата обращения 02.02.2017)
- 6 Brachman J. M. (2010). *Global jihadism: Theory and practice*. London: Routledge. 212 p.
- 7 Emerson M. O., & Hartman D. (2006). *The Rise of Religious Fundamentalism*. *Annual Review Of Sociology*, vol. 32, pp. 127-144.
- 8 Esposito J.L. (2009) *The Oxford Encyclopedia of the Islamic World*. New York, N.Y.: Oxford University Press, v. 5, pp. 25-35.
- 9 *Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism (2016)* [Sydney]: Institute for Economics and Peace. 108 p. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf>
- 10 Graeme S. (October 2005), *Profiling the Suicide Terrorist*, *INTERSEC*, vol. 15, No. 10, pp. 295 – 297.
- 11 Greer T., Berman M., Varan V., Bobrycki L., & Watson S. (2005). *We Are a Religious People; We Are a Vengeful People*. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 44 (1), pp. 45-57.
- 12 Habermas J. (2008) *Secularism’s Crisis of Faith: Notes on Post-Secular Society*. *New perspectives quarterly*, vol. 25, pp. 17-29.
- 13 International Crisis Group, (2016). *Exploiting disorder: Al-Qaeda and the Islamic State*, <https://www.crisisgroup.org/global/exploiting-disorder-al-qaeda-and-islamic-state>
- 14 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) ‘National Imams Consultative Forum’, University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/about/projects/national_imams_consultative_forum (accessed 01.02.2017).
- 15 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) ‘An Australian Muslim perspective on some key contemporary concerns’, University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0011/1467362/NICF-Statements.pdf (accessed 01.02.2017).
- 16 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) ‘Works and statements by former extremists’, University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/about/projects/national_imams_consultative_forum/works_and_statements_by_former_extremists (accessed 01 September 2016).
- 17 Policy Address to the Security Council of the United Nations by His Excellency Mr Nursultan Nazarbayev, President of the Republic of Kazakhstan, <http://www.kazakhstanunsc.com/wp-content/uploads/2014/02/Policy-Address-to-the-UNSC-by-President-Nazarbayev-100117-English-FINAL-TEXT.pdf>
- 18 Pew Research Center (July 22, 2016) ‘Muslims and Islam: Key findings in the U.S. and around the world’, Pew Research Center, <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/22/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/> (accessed 02.09.2016).
- 19 Rugman, A. M., & Collinson, S. (2009). *International business*. Harlow, England: Prentice Hall Financial Times, p. 173.
- 20 Tibi B. (2012) *Islamism and Islam*. New Haven: Yale University Press, 368 p.
- 21 Tibi B. (2015), *Changing Islamism: From Jihadism to Institutional Islamism, a Moderation? Soundings: An Interdisciplinary Journal*, vol. 98, No. 2, pp. 146-162.
- 22 Victoria Police Counter Terrorism Command’s Specialist Intelligence Team (2016) *Community Driven Prevention: The Victorian Security Environment*. [Sydney]: Institute for Economics and Peace, p. 78.
- 23 Whinter Ch. (2016) *Fishing and Ultraviolence*. BBC News, <http://www.bbc.co.uk/news/resources/idt-88492697-b674-4c69-8426-3edd17b7daed> (accessed 02.09.2016).
- 24 Wiktorowicz Q. (January 01, 2006). *Anatomy of the Salafi Movement*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 29, 3, 207-239.
- 25 Wright J. D. (2015). *A Social Identity and Social Power Perspective on Terrorism*. *Journal of Terrorism Research*, vol.6, no.3, p. 76.

References

- 1 KISI predstavil 10 naibolee vaznyh sobytij v central’noj azii v 2017 godu [KISR has Presented 10 the Most Important Event for Central Aisa in Year 2017], <http://kisi.kz/ru/categories/articles/posts/kisi-predstavil-10-naibolee-vaznyh-sobytij-v-central-noj-a> (accessed 30.01.2017).
- 2 Medelkanov M. 1 yanvarya 2017 goda nachinaetsya ofitsialnoe vstuplenije Kazakhstana v chleny Sovbeza OON [January 1, 2017 is the Beginning of the Official Membership for Kazakhstan in the UN Security Council]. 24 Khabar. URL: <http://24.kz/ru/vybor-redaktsii/item/156539-ofitsialnoe-vstuplenie-v-nepostoyannye> (accessed 30.01.2017).
- 3 «Ministr: salafizm ne yavlyaetsya priemlyim dlya kazahstana» [Minister: Salafism is not Acceptable for Kazakhstan]. *Tengrinews_KZ*. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ministr-salafizm-ne-yavlyaetsya-priemlyim-dlya-kazahstana-304119/ (accessed 02.02.2017).
- 4 Muzykina Y.V. (2015) *Mezhdju linejnist’yu b pluralizmom: focus islamskogo mirovozzreniya* [Between Linear and Plural: Islamic Worldview Focus]. Tula: ZASI, s. 126-127.

- 5 «Salafity Kazakhstana kak dvizhushchaya sila rekrutov dlya dzhamaatov igil na blizhnem vostoке» [Salafis of Kazakhstan are the Driving Forces of ISIS Jamaats' Recruiters in the Middle East], Part 1-5 (2016), <http://antiterrortoday.com/ru/eksklyuziv/9990-salafity-kazakhstana-kak-dvizhushchaya-sila-rekrutov-dlya-dzhamaatov-igil-na-blizhnem-vostoке> (accessed 02.02.2017)
- 6 Brachman J. M. (2010). *Global jihadism: Theory and practice*. London: Routledge. 212 p.
- 7 Emerson M. O., & Hartman D. (2006). The Rise of Religious Fundamentalism. *Annual Review Of Sociology*, vol. 32, pp. 127-144.
- 8 Esposito J.L. (2009) *The Oxford Encyclopedia of the Islamic World*. New York, N.Y.: Oxford University Press, v. 5, pp. 25-35.
- 9 *Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism (2016)* [Sydney]: Institute for Economics and Peace. 108 p. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf>
- 10 Graeme S. (October 2005), Profiling the Suicide Terrorist, *INTERSEC*, vol. 15, No. 10, pp. 295 – 297.
- 11 Greer T., Berman M., Varan V., Bobrycki L., & Watson S. (2005). We Are a Religious People; We Are a Vengeful People. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 44 (1), pp. 45-57.
- 12 Habermas J. (2008) *Secularism's Crisis of Faith: Notes on Post-Secular Society*. *New perspectives quarterly*, vol. 25, pp. 17-29.
- 13 International Crisis Group, (2016). *Exploiting disorder: Al-Qaeda and the Islamic State*, <https://www.crisisgroup.org/global/exploiting-disorder-al-qaeda-and-islamic-state>
- 14 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) 'National Imams Consultative Forum', University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/about/projects/national_imams_consultative_forum (accessed 01.02.2017).
- 15 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) 'An Australian Muslim perspective on some key contemporary concerns', University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0011/1467362/NICF-Statements.pdf, (accessed 01.02.2017).
- 16 National Centre of Excellence for Islamic Studies Australia (2016) 'Works and statements by former extremists', University of Melbourne, http://nceis.unimelb.edu.au/about/projects/national_imams_consultative_forum/works_and_statements_by_former_extremists, (accessed 01 September 2016).
- 17 Policy Address to the Security Council of the United Nations by His Excellency Mr Nursultan Nazarbayev, President of the Republic of Kazakhstan, <http://www.kazakhstanunsc.com/wp-content/uploads/2014/02/Policy-Address-to-the-UNSC-by-President-Nazarbayev-100117-English-FINAL-TEXT.pdf>
- 18 Pew Research Center (July 22, 2016) 'Muslims and Islam: Key findings in the U.S. and around the world', Pew Research Center, <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/22/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world/> (accessed 02.09.2016).
- 19 Rugman, A. M., & Collinson, S. (2009). *International business*. Harlow, England: Prentice Hall Financial Times, p. 173.
- 20 Tibi B. (2012) *Islamism and Islam*. New Haven: Yale University Press, 368 p.
- 21 Tibi B. (2015), Changing Islamism: From Jihadism to Institutional Islamism, a Moderation? *Soundings: An Interdisciplinary Journal*, vol. 98, No. 2, pp. 146-162.
- 22 Victoria Police Counter Terrorism Command's Specialist Intelligence Team (2016) *Community Driven Prevention: The Victorian Security Environment*. [Sydney]: Institute for Economics and Peace, p. 78.
- 23 Whinter Ch. (2016) Fishing and Ultraviolence. *BBC News*, <http://www.bbc.co.uk/news/resources/idt-88492697-b674-4c69-8426-3edd17b7daed> (accessed 02.09.2016).
- 24 Wiktorowicz Q. (January 01, 2006). Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict and Terrorism*, 29, 3, 207-239.
- 25 Wright J. D. (2015). A Social Identity and Social Power Perspective on Terrorism. *Journal of Terrorism Research*, vol.6, no.3, p. 76.